

Периодизация и культурная история Волго-Окского неолита*

Резюме. В статье дается критический обзор взглядов на археологическую периодизацию и культурную историю неолита Волго-Окского региона. Формирование этих представлений происходило поэтапно. Первый этап, с 1920-х гг. до 1973 г., характеризуется: 1) открытием археологических культур ямочно-гребенчатой керамики; 2) обоснованием периодов неолита; 3) дискуссией о правомерности выделения докерамической его стадии. Утвердилась двухчленная модель периодизации неолита с разделением его на ранний и развитый этапы. Во второй этап, с 1973 по середину 1990-х гг., культуры ямочно-гребенчатой керамики были отнесены к развитому неолиту. Ранний неолит стал ассоциироваться с древностями верхневолжской культуры. Также были детализированы представления об археологических культурах региона, например, разработаны их периодизации по данным изучения керамики, каменного и костяного инвентаря. Третий этап, с середины 1990-х гг., характеризуется множеством сценариев культурной истории раннего неолита и развернутой критикой источниковедческой базы. Сегодня внимание археологов сконцентрировано исключительно на этнокультурных процессах волго-окского неолита.

Ключевые слова: периодизация, культурная история, Волго-Окское междуречье, бескерамический неолит, ранний неолит, развитый неолит.

Введение

В настоящей работе автор предполагает проследить развитие взглядов на региональную археологическую периодизацию междуречья Оки и Волги, становление которой состоялось в контексте изучения неолита Европейской

Tsvetkova N. A. Periodization and culture history of the Volga-Oka Neolithic. The paper provides a critical review of opinions concerning the archeological periodization and cultural history of the Neolithic in the Volga-Oka interfluvium region. The history of formation of these opinions can be divided into several phases. The first phase (from the 1920-es to 1973) is characterized by the 1) discovery of the pit-comb ware cultures; 2) identification of different periods within the Neolithic; 3) discussions regarding the validity of the pre-pottery stage in the Neolithic. The two-part model of the Neolithic periodization was established comprising the early and the late stages. During the second phase (from 1973 to the mid-1990-es) the pit-comb ware cultures were assigned to the Late Neolithic, while the Early Neolithic was associated with the Upper Volga culture only. In addition, the regional cultures were described in more detail and subdivided into several periods, according to the changes seen in pottery, as well as stone and bone inventory. The third phase (from the mid-1990-es up to nowadays) is characterized by multiple scenarios of the Neolithic cultural history, and close attention paid to the archaeological source studies. Currently the attention of archeologists is primarily focused on the ethno-cultural processes that are thought to have taken place in the Volga-Oka Neolithic.

Keywords: periodization, culture history, archaeological culture, Volga-Oka interfluvium, Pre-Pottery Neolithic, Early Neolithic, Late Neolithic.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-01-00345а) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

России. На примере рассмотрения постепенного развития представлений о культурной истории неолита Верхней Волги на протяжении XX в., важным представляется выявить итоги и современное состояние вопроса, а также наметить возможные перспективы его решения с учетом настоящих тенденций.

Становление периодизации неолита Русской равнины

К 1920-м гг. исследователи столкнулись с необходимостью систематизации накопленных материалов по неолиту и выяснения их хроностратиграфической позиции относительно друг друга. Возникшая потребность в упорядочивании данных и стала причиной для обоснования периодов неолита, отражающих различные стадии технического прогресса в древних обществах. Одним из самых заметных научных трудов того времени, вызвавшим немало откликов, стала работа В. А. Городцова, посвященная археологии каменного века России (Городцов 1923). В ней он уделил самое пристальное внимание периодизации первобытных древностей. Исследователь разработал общую (универсальную) периодизацию для древностей России, Европы и Ближнего Востока. В. А. Городцов исходил из определения неолита как археологической эпохи, связываемой с «появлением совершеннейших технических приемов обработки каменных орудий посредством полирования, опиловки и сверления, а также появлением керамики, приручением домашних животных и культурных растений» (Городцов 1923: 28). Нижняя хронологическая граница неолита соотносилась с окончанием последнего ледникового периода, а верхняя маркировалась появлением металла в материальной культуре древнего населения Востока.

На основании степени технического прогресса неолит был разделен на три периода — раннюю, среднюю и позднюю пору. В основу был положен принцип качественного развития материальной культуры. Ранняя пора характеризовалась микролитической каменной индустрией, в которой формы орудий представляли как бы вырождение форм орудий мадленской культуры. Вместе с этим исследователь отмечал деградацию костяной индустрии, резкое снижение роли изящных искусств либо полное их исчезновение. В это же время появились первые полированные каменные орудия в виде топориков или долот, первые керамические произведения, а также была приручена собака. Для центрального региона России характерные черты материальной культуры, свойственные ранней поре неолита, В. А. Городцов усматривал в материалах памятников Поочья — стоянках на Борковской, Шумашской и Дубровичской дюнах (Городцов 1923: 330).

В среднюю пору неолита полированные кремневые топоры и долота, как и прочие формы орудий, качественно улучшились. Проявилась тенденция к макролитизации каменной индустрии. Качественно улучшилась и костяная индустрия. Произошло возрождение изящных искусств, а керамика обрела типично неолитические «характерные для времени» черты.

Характерно, что распространение керамики и техник ее изготовления исследователь связывал не с ранней, а со средней порой неолита, определяя, таким образом, начальный этап неолита как докерамический: «Керамика является очень характерной для средней поры неолитической эпохи и это даже в том случае, если бы оказалось справедливым предположение некоторых

археологов о первом появлении керамического искусства в более раннее время, так как указываемые ими образцы настолько малочисленны и нехарактерны для культуры древнейшего времени, что являются там как бы посторонними наростами. Во всяком случае вполне характерной керамика становится лишь со времени культур средней поры неолитической эпохи... Где и как возникло керамическое искусство, так же трудно сказать, как и о возникновении искусства полирования каменных орудий» (Городцов 1923: 344).

К средней поре неолита В. А. Городцов относил памятники, расположенные по берегам Волги в пределах Тверской губернии и на окских дюнах в Рязанской губернии (Городцов 1923: 353).

В позднюю пору неолита человек освоил технику пиления и сверления камня. Костяная индустрия, керамика и изящные искусства получили дальнейшее качественное развитие. Помимо собаки в это время были приручены виды стадных животных, начали культивироваться полевые злаки. Памятники поздней поры — это Окские дюны, Волосовская стоянка и Бологое (Городцов 1923: 28, 375).

Хронологическая периодизация древностей, разработанная В. А. Городцовым, была значимым достижением в археологии для того времени и как любое нововведение подверглась критике. Одним из самых жестких оппонентов стал Б. С. Жуков, который небезосновательно считал, что классификация В. А. Городцова искусственная и не соответствует историческим реалиям (Жуков 1929). В сжатом виде критика Б. С. Жукова сводится к следующему «...неясность разделения понятий “культура” и “эпоха” в системе культурно-эволюционных циклов... побудила... В. А. Городцова предложить классификационную систему, основанную на понимании терминов “палеолита”, “неолита” и других в качестве хронологических определений этапов развития культуры человечества. Такое понимание, вводящее чисто спекулятивную периодизацию исторического процесса, представляется... совершенно неприемлемым... потому что... приводит к логической необходимости, например, называть культурой железного века всякую культуру начала первого тысячелетия до нашей эры, даже если данная культура и не обнаруживает ни малейших признаков знакомства с металлами» (Жуков 1929: 56). Не соглашался Б. С. Жуков также и с тенденцией того времени, заключающейся в определении «циклов развития культур термина» на основании хронологического и социолого-хозяйственного признаков, поскольку для нее: «...присущи слишком суммарные определяющие признаки... такая тенденция не может внести четкости в определения, ибо приводит к тому, что охотничье-рыболовственная неолитическая культура должна быть отделена от культуры неолитической, но земледельческо-скотоводческой...» (Жуков 1929: 56).

Замечания относительно попытки общей систематизации В. А. Городцовым первобытных древностей высказываются и современными исследователями. Так, например, Н. И. Платонова отмечает, что схема В. А. Городцова была устарелой уже к моменту ее публикации. В качестве существенных недостатков отмечается «терминологическая разноголосица» с хронологическими схемами иностранных коллег, «определенная искусственность построения», а также оторванность от западных разработок (Платонова 2010: 204–207).

Одним из аспектов научной деятельности самого Б. С. Жукова была разработка периодизации неолита Волго-Окского региона. По оценке исследователей, он является одним из первых археологов, работавших в этом направлении. Б. С. Жуковым впервые в отечественной археологии была предложена периодизация древностей неолита, построенная на материалах конкретного региона с учетом его региональной специфики. Созданная им теория хронологических и территориальных модификаций для памятников каменного века в бассейнах Оки и Верхней Волги основана на характеристике используемых человеком древности материала и техники. В качестве основного признака Б. С. Жуков рассматривал керамику, так как был уверен в превосходстве глиняной посуды как исторического источника над изделиями из камня и кости: «...наиболее показательным... компонентом в древних культурах является керамика, на которой более четко отражаются эволюционные сдвиги и локальные влияния, чем на каменном инвентаре. Этот последний представляет более ограниченные возможности установления типологических вариаций... он более связан... с локальным наличием того или другого материала для производства и притом материала, неравноценного по... техническим качествам. Преимущество керамики против костяного инвентаря, который... более податлив, чем кремний в смысле индивидуальных типологических и технологических вариаций, состоит еще и в том, что наличие возможностей получения костяного инвентаря из памятников связано с условиями сохранения кости...» (Жуков 1929: 59).

Б. С. Жуков выделял в рамках неолита ранний и развитый этапы. О наступлении неолита, по мнению исследователя, свидетельствует изменение вещевого набора на стоянках. В отличие от мезолита на памятниках неолитического времени, начиная с раннего его этапа, появляются керамика и шлифованные орудия в совокупности. Таким образом, под неолитической Б. С. Жуков понимал всякую культуру, «...которой свойственно производство шлифованных каменных орудий и гончарной посуды, как двух совокупно определяющих признаков, отделяющих ее от культуры мезолитического облика, в которой оба или один из этих двух признаков отсутствуют» (Жуков 1929: 57).

Таким образом, в 1920-х гг. сформировалось представление о докерамическом, раннем и развитом периодах неолита. Разногласия между исследователями возникали по вопросу правомерности выделения докерамического этапа и признаков смены неолитического периода энеолитическим. Наибольшую ясность в эти вопросы вносят опять же работы В. А. Городцова и Б. С. Жукова, в которых исследователи уделяют значительное место истолкованию своих взглядов с теоретической стороны. Как отмечалось выше, В. А. Городцов считал начальный этап неолита докерамическим (Городцов 1923: 344), Б. С. Жуков и его последователи, напротив, полагали, что докерамический этап древностей Волго-Окского неолита выделять нецелесообразно, поскольку о неолитическом возрасте памятника может свидетельствовать только совокупные находки керамики и шлифованных орудий.

Однако сторонников существования докерамической стадии лесного неолита на первых порах было большинство. Принадлежность к таковой для стоянок Валдайского поозерья с макролитическим обликом орудий на них отстаивала Л. Я. Крижевская. Она считала, что неолит этой территории представлен двумя стадиями: ранней докерамической и развитой — временем, когда на

памятниках появляется керамика (Крижевская 1949: 12). Впоследствии с накоплением новых данных эта точка зрения была ею пересмотрена, о чем будет сказано ниже.

Возможность существования докерамической стадии неолита допускала и М. Е. Фосс, рассуждая о неравномерности развития древних обществ: «...везде ли со времени появления неолитических орудий началось применение глиняной посуды? Можно допустить, как это показывает этнография, что в некоторых районах... посуда изготовлялась не из глины, а из дерева, бересты и т. п.» (Фосс 1952: 9).

А. Я. Брюсов также был сторонником выделения докерамической стадии Окско-Клязьминского неолита. В основу своих суждений он ставил множественность признаков, свидетельствующих о наступлении неолита, появление керамики среди которых стояло на последнем месте (Брюсов 1952: 6). К ранне-неолитическим А. Я. Брюсов относил стоянки, «еще не содержащие керамики» — Гремячее, стоянку на дюне Красные Кусты у с. Борок, Борки, Елин Бор, Золотой Бугор, стоянку на торфянике Буреломка вблизи Ногинска и Карачарово. Помимо отсутствия керамики основанием для датирования этих памятников ранним неолитом послужило наличие в их коллекциях «древних типов кремневых орудий — резцов, мелких наконечников стрел из ножевидных пластин с частичной ретушью по краям, значительного числа ретушированных и неретушированных ножевидных пластин и острий и т. п.» (Брюсов 1952: 44–45, 72).

С середины XX в. в связи с укоренением термина «мезолит» все большее число специалистов были склонны связывать начальный этап неолита, в первую очередь, с появлением керамики. Однако дискуссия о правомерности отнесения тех или иных групп древностей к докерамической стадии неолита продолжалась вплоть до конца 1970-х гг. Основные аргументы о правомерности выделения бескерамического неолита либо возможности существования этой стадии сводились к множественности признаков начала неолита и к неравномерности исторического развития на разных территориях. В представлениях исследователей, появление керамики и шлифованных орудий рассматривалось в качестве наиболее заметных изменений в материальной культуре. Помимо этого начало неолита в их понимании сопровождалось также рядом новшеств, таких как введение и широкое применение в качестве сырья новых пород камня; появление шахт и производственных мастерских; широкое производство крупных рубящих орудий и их дифференциация; массовое внедрение шлифованных орудий; абсолютное преобладание в лесной зоне орудий-бифасов на отщепках; появление новых приемов и техник в обработке камня (шлифовка, полирование, пиление, сверление, «струйчатая», «пильчатая» ретушь); стандартизация и широкое разнообразие орудийного набора; возникновение новых видов охотничьего вооружения и его дифференциация; разнообразие орудий рыболовства; появление керамики; заметное уменьшение роли собирательства; региональная спецификация типов вещей (например, Фосс 1952; Брюсов 1952; Гурина 1973). Исследователи в своих рассуждениях исходили из того, что не на всех территориях даже в рамках Русской равнины этот пакет инноваций появился одновременно. Тем не менее, в общем, начало неолитического времени ассоциировалось с появлением керамики, поскольку

тогда были уже известны мезолитические культуры со шлифованными рубящими орудиями (например, Долуханов 1966; Гурина 1973).

По свидетельству Л. Я. Крижевской к началу 1970-х гг. сформировалось общее мнение о разделении неолита на два этапа — ранний и поздний. В свете новых данных исследовательница полагала, что говорить о докерамическом этапе неолита имеет смысл только для отдельных регионов. Для территории Волго-Окско-Клязьминского междуречья вопрос о докерамическом неолите был закрыт. Все вещевые комплексы с этих территорий без керамики считались мезолитическими (Крижевская 1973: 23).

Дольше всего точку зрения о докерамическом этапе неолита лесной зоны отстаивал, по-видимому, А. А. Формозов. Он полагал, что памятники без керамики, но с полированными, шлифованными орудиями и бифасами стоит относить к неолиту, а не датировать мезолитическим временем: «Археологические культуры северной полосы Европы... не дают керамики, но содержат ряд орудий неолитического типа... Как же назвать такие памятники — мезолитическими или неолитическими? Мне кажется, что лучше говорить о неолите. В силу каких-то неясных причин керамика в лесной полосе СССР появилась поздно... Но неолитические формы орудий здесь распространились, и это дает нам право относить стоянки с двустороннеобработанными наконечниками стрел и топорами и с единичными полированными орудиями к неолитической эпохе» (Формозов 1977: 87).

К настоящему времени для Волго-Окского неолита разработана детальная периодизация благодаря усилиям Б. С. Жукова, М. Е. Фосс, А. Я. Брюсова, Л. Я. Крижевской, В. М. Раушенбах, И. К. Цветковой, Н. Н. Гуриной, Д. А. Крайнова и других археологов. В соответствии с ней неолит принято разделять на ранний и на развитый. Иногда под термином «развитый неолит» исследователи понимают или употребляют в качестве синонимов «средний неолит» и «поздний неолит». Маркером начала неолита служит появление на стоянках глиняной посуды. Климатические условия голоцена на территории Верхневолжского региона определили одинаковые типы хозяйствования сообществ охотников, рыболовов и собирателей как в мезолите, так и в неолите. В материальной культуре это обстоятельство проявилось в высокой степени сходства, практически идентичности каменного и костяного инвентаря. Соответственно, керамика является пока единственным свидетельством наступления неолита в регионе. Ранний неолит охватывает период с 7100/7000 до 6100/6000 uncal BP (Энговатова, Жилин, Спиридонова 1998). Период развитого неолита определяется хронологическими рамками с 6100/6000 по 3800/3700 uncal BP (Цетлин 2008: 235, 240, 242, 246).

Изменения в материальной культуре, маркирующие окончание неолитической эпохи в регионе, помимо того что вызвали немало споров, способствовали также формированию двух различных подходов к решению проблемы. Так, Б. С. Жуков полагал, что наступление эпохи энеолита в лесной зоне начинается с момента появления импортных вещей из меди и бронзы. Освоение металлургических навыков населением отмечает начало времени развития «металлических» культур (Жуков 1929: 57). Вторая точка зрения сводилась к тому, что привозные медные и бронзовые изделия были известны в регионе с конца неолита. Возникновение местного производства изделий из металла

означало наступление энеолита (например, Фосс 1949: 9; Брюсов 1947; 1952). Кроме того, М. Е. Фосс говорила также и о том, что «...под неолитом подразумеваются своеобразные культуры, сложившиеся в неолитическую эпоху, но продолжавшие существовать в некоторых местах в эпоху бронзы и раннего железа. Отличительной особенностью их является длительное употребление камня для изготовления орудий в период, когда уже был известен металл» (Фосс 1949: 9).

Сегодня завершение неолитической эпохи в общем связывается с появлением первых единичных металлических изделий без признаков навыков металлургии в материальной культуре. Привязывать это событие к узкому хронологическому отрезку в рассматриваемом регионе не принято. Нельзя не согласиться с С. В. Ошибкиной, которая полагает, что «эта граница вполне условна, поскольку отдельные предметы из металла в виде импортов распространялись очень широко, попали к населению, незнакомому с выплавкой или другими способами обработки металла» (Ошибкина 1996: 7).

Историко-культурная периодизация

За время изучения неолита Волго-Окского региона сформировалось множество концепций относительно культурной истории региона. Почти каждый исследователь считал и считает своим долгом прояснить либо уточнить ее, в результате чего сегодня представления об историко-культурной периодизации региона представляют довольно запутанный вопрос.

Первая такая периодизация была разработана Б. С. Жуковым. По результатам изучения керамики со стоянок Льялово, Языково 1 и 2, Николо-Перевоз 1 и 2, Холомониha, Липки, Волосово 1, Мало-Окуловская 1, Мало-Борская, Балахнинская 3 и других он выделил две фации, характеризующие развитие неолитических обществ на Верхней Волге (Жуков 1929). Первой фации соответствовала древнейшая, по осторожному предположению исследователя, керамика типа «языково» — толстостенная посуда с обилием дресвы в тесте и орнаментом в виде параллельных прочерченных полос (Жуков 1929: 69: табл. I). Вторая фация соотносилась с «гребенчатой» посудой, которую на основании особенностей орнамента Б. С. Жуков предлагал называть «комплексом круглоямочной гребенчатой керамики». По его словам «хронологическая модификация этого цикла протекает медленно. Его можно охарактеризовать в общем как усложнение орнаментального узора» (Жуков 1929: 69: табл. I).

Выделение более ранней группы керамики по отношению к ямочно-гребенчатой посуде вызвало неоднозначные толкования. Большинство исследователей точку зрения Б. С. Жукова не разделяло. Противницей суждения о ранней хроностратиграфической позиции керамики «языковского типа» была и М. Е. Фосс. Дело в том, что к середине XX в. такая керамика была найдена при раскопках Николо-Перевоза, Холомониha и Садового Бора — памятников, не обладающих четкой стратиграфией, с материалами энеолитического облика в культуросодержащих горизонтах. Поэтому М. Е. Фосс была скептически настроена в оценках ее раннего возраста по отношению к ямочно-гребенчатой посуде: «...выделение керамики с прочерченным орнаментом, отмечаемым как древнейший в культурах лесной области, представляется преждевременным.

Прочерченный орнамент наблюдается в керамике Языковской стоянки (в нижнем горизонте) и в комплексе ямочно-гребенчатой керамики из Николо-Перевоза. Но, не говоря уже о том, что в этих пунктах отсутствует стратиграфическое разделение древних и более поздних наслоений, можно указать на нахождение подобной керамики с таким орнаментом в, несомненно, более поздних стоянках... относящихся к энеолиту» (Фосс 1949: 44).

П. Н. Третьяков, наоборот, полагал, что периодизация Б. С. Жукова отвечает историческим реалиям. Он считал ошибочным предположение М. Е. Фосс о принадлежности керамики «языковского типа» к кругу «волосовских» древностей: «Прочерченный орнамент из комбинации прямых линий, характеризующий эту керамику, находящийся в себе аналогии в камско-уральском неолите и в культуре сперрингс, действительно можно сравнить с орнаментацией некоторых сосудов из волосовских стоянок... но древнейшая языковская керамика... в отличие от волосовской, не имеет в глине ни раковинной, ни растительной примесей. Б. С. Жуков очень тщательно производил раскопки и хорошо знал волосовскую керамику... Раскопки В. М. Раушенбах подтвердили его наблюдения» (Третьяков 1966: 27).

Тем не менее, критическая оценка М. Е. Фосс относительно спорного возраста керамики типа «языково» утвердилась в литературе, тем более что специальных исследований в этом направлении после Б. С. Жукова до работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова никто не предпринимал (см. ниже).

По мере накопления материалов возникла необходимость их систематизации и дифференциации. Благодаря работам Б. С. Жукова было заложено представление о льяловской археологической культуре (далее — АК). Последняя получила детальную характеристику в работах М. Е. Фосс, А. Я. Брюсова, В. М. Раушенбах, Д. А. Крайнова, В. В. Сидорова и других (например, Фосс 1952; Брюсов 1952; Раушенбах 1953; 1970; 1973; Крайнов 1986; Гурина, Крайнов 1996; Сидоров 1986; 1995; Энгватова 1998; Сидоров, Ставицкий 2003). В 1935 г. О. Н. Бадер и М. В. Воеводский обосновали правомерность обособления в отдельную историко-культурную единицу материалов со стоянок неолита Балахнинской низины (Бадер, Воеводский 1935). В среднем течении Оки А. Я. Брюсовым в 1947 г. была открыта белевская АК, а в 1952 г. выделена рязанская АК (Брюсов 1947; 1952). На территории Валдайского поозерья Л. Я. Крижевская отмечала находки своеобразной «оригинально-орнаментированной» керамики, не известной на сопредельных территориях. Для нее предлагалось название «керамика бологовского типа» (Крижевская 1949: 10). Впоследствии мезо-неолитические древности этого региона с учетом наработок Л. Я. Крижевской были объединены Н. Н. Гуриной в валдайскую АК (Гурина 1958).

Открытие археологами множества этнокультурных сообществ подтолкнуло исследователей к разработке проблемы их соотношения друг с другом, другими словами, к разработке культурной периодизации. Все выделенные культуры характеризовались в первую очередь керамикой с зональной «ямочно-гребенчатой» орнаментацией. Различия прослеживались в примесях в тесте, технике нанесения узоров, в особенностях орнаментальных композиций и в формах сосудов. Ограниченные возможности естественнонаучного датирования привели к дискуссиям касательно соотношения этих культур и степени родства их носителей.

М. Е. Фосс разработала концепцию, согласно которой волго-окский неолит характеризовался родственными АК, являющимися «выражением этнической общности». Наиболее ярко это, по ее мнению, отразилось в орнаментике керамики, которая, в свою очередь, обусловила разделение этих культур на две группы. Первая, сформировавшаяся в раннем неолите на основе льяловской АК, сочетала в себе культуры, «...характеризуемые керамикой ямочно-гребенчатой (с преобладанием ямочных элементов, сплошь покрывающих поверхность)...» (Фосс 1949: 46). Их ареалы занимали территорию бассейна Верхней Волги и Оки. Вторая группа древностей, появившаяся в регионе в позднем неолите, отличная от круга культур с «ямочно-гребенчатой» керамикой, ассоциировалась с археологическими культурами так называемого «фатьянообразного» облика. К ним М. Е. Фосс относил, в частности, балахнинскую АК (Фосс 1949: 47).

Значительное внимание она уделяла верхней границе неолита в регионе, а именно — проблеме появления изделий из металла и металлургии в древних обществах. В своих рассуждениях исследовательница пришла к выводу о том, что «металлургия меди и бронзы возникла в “лесном неолите” в культурах охотничье-рыболовецких племен... (которые. — Н. Ц.) жили не только в каменном веке, но они пережили и бронзовый век» (Фосс 1949: 45). Таким образом, согласно ее гипотезе, в неолите Верхневолжского региона и на сопредельных ему территориях начиная с начального его этапа бытовали коллективы охотников-рыболовов со свойственными им традициями изготовления «ямочно-гребенчатой» посуды. В позднем неолите их сменяет население с традициями изготовления «фатьянообразной» керамики. В определенный момент времени в его материальной культуре появились сначала импортные металлические предметы, а затем — собственные навыки металлургии. Все эти новшества не сопровождалось изменениями хозяйственного уклада.

А. Я. Брюсов считал археологические культуры неолита, известные в регионе, равнозначными и синхронными по времени: «Археологический материал стоянок этой области (долина р. Оки и р. Клязьмы. — Н. Ц.) распадается на несколько групп, характерных для отдельных ее частей. Различие между ними не может быть объяснено фактором хронологического порядка и свидетельствует о том, что мы имеем дело с несколькими археологическими культурами, т. е. с несколькими группами родственных племен...» (Брюсов 1952: 42). К раннему неолиту исследователь относил белевскую, рязанскую, льяловскую (клязьминскую) и волосовскую культуры. Он считал, что для наиболее ранних памятников этих культур керамика еще не была характерна. Культурную принадлежность «бескерамических» стоянок А. Я. Брюсов определял по территориальному признаку (Брюсов 1952: 44–45). Отдельно им исследователь противопоставлял фатьяновскую АК (Брюсов 1952: 91).

И. К. Цветкова, исследовавшая неолитические памятники нижнего течения Оки, в отличие от А. Я. Брюсова полагала, что ареалы выделяемых для этой территории культур были нестабильными и менялись (Третьяков 1966: 30).

В дальнейшем А. Я. Брюсов представлял себе развитие культурной истории в регионе следующим образом. В развитом неолите на стоянках льяловской и рязанской АК появляется волосовская керамика, что, по мнению исследователя, является свидетельством контактов населения этих культур. Говорит он

и о наличии контактов между населением волосовской и балахнинской АК: «Об этом свидетельствуют находки на стоянках волосовской культуры балахнинской керамики первого типа, резко отличной от керамики волосовской» (Брюсов 1952: 88). Белевская АК просуществовала, в его понимании, до ранних окских городищ (Брюсов 1952: 49, 54, 63). Судьбы волосовской и балахнинской культур А. Я. Брюсов связывал со вторжением фатьяновских племен с севера в I половине II тыс. до н. э. (Брюсов 1952: 88).

А. А. Формозов, вслед за тенденциями своего времени, связывал происхождение неолита с «ямочной» керамикой (ляловская АК) на основе волго-окской мезолитической культуры (Формозов 1959).

Исследования археологов 1950–1970-х гг. весьма расширили представления о культурах волго-окского неолита. Также были внесены существенные дополнения к пониманию протекания историко-культурных процессов в неолите и разработаны периодизации самих археологических культур.

В развитии ляловской АК В. М. Раушенбах выделила три периода (Раушенбах 1970). Временем формирования культуры она, вслед за М. Е. Фосс, называла ранний неолит. Кроме того, по ее мнению, на основе ляловской АК в развитом неолите сложились рязанская, белевская и балахнинская АК. Особняком, по мнению В. М. Раушенбах, стояла волосовская АК. Такой вывод был сделан на основании резкого отличия волосовской керамики от посуды с «ямочно-гребенчатой» орнаментацией. Ляловская и волосовская АК рассматривались как разнородные явления (Раушенбах 1970: 37–38). Границу между ранним и развитым неолитом исследовательница проводила в пределах конца III — начала II тыс. до н. э., когда сформировались самостоятельные белевская, рязанская и балахнинская культуры (Раушенбах 1970: 38).

Того же мнения, что и В. М. Раушенбах, в отношении белевской АК придерживалась Г. Ф. Полякова (Полякова 1970: 96).

Исследованиями древностей рязанской АК занимался А. Я. Брюсов. Он же первым предложил ее трехчленную периодизацию. Принадлежность к определенному этапу исследователь предлагал определять на основании характерных особенностей керамики. Так, ямочно-зубчатая керамика характеризовала ранний этап, зубчатая керамика развитого рязанского типа характерна была для развитой стадии культуры. Заключительный этап исследователь связывал с керамикой поздняяковской АК, считая последнюю генетически связанной с рязанской АК (Брюсов 1952).

В 1950–1960-х гг. масштабные исследования стоянок рязанской АК были предприняты Рязанской экспедицией ГИМ под руководством И. К. Цветковой. Полученные материалы скорректировали периодизацию А. Я. Брюсова. Во-первых, были уточнены хронологические рамки ее существования. Древности этого типа предлагалось соотносить с периодом с начала III до II тыс. до н. э. Сложение культуры, по И. К. Цветковой, происходило в конце IV — начале III тыс. до н. э.: «В этот период племена рязанской культуры были тесно связаны с общим ходом развития группы волго-окских раннеолитических племен, характеризующихся наличием древней ямочно-зубчатой керамики (так называемой керамики древнего ляловского типа)» (Цветкова 1970: 99). Во-вторых, ею была разработана детальная периодизация культуры с подробной характеристикой керамики, каменного и костяного инвентаря для каждого из трех этапов развития (Цветкова 1970).

Рязанскую АК исследовательница рассматривает как культуру развитого неолита, генетически связанную с ранним неолитом региона. Также она отмечает тесные связи между родственными рязанской и белевской культурами, и рязанской и волосовской культурами. В отношении последних И. К. Цветкова предполагает их единое происхождение: «...были прослежены многообразные черты сходства в материальной культуре племен рязанской и волосовской культуры. Это сходство настолько велико, что не может явиться только результатом межплеменных связей и свидетельствует, вероятно, о едином происхождении обеих групп племен, что не исключает, по-видимому, и тесных межплеменных связей...» (Цветкова 1970: 132). Таким образом, она пересматривает свою точку зрения начала 1950-х гг. и считает, что волосовская АК развивалась в период с середины III до середины II тыс. до н. э. (Цветкова 1953; 1970: 132). Стоит отметить, что в настоящее время волосовская АК отнесена к эпохе бронзы. Среди исследователей существует множество трактовок по конкретным вопросам волосовской АК (подробнее: Крайнов 1987: 10–28).

Не менее детальная характеристика выполнена И. К. Цветковой и в отношении древностей балахнинской АК (Цветкова 1963; Крижевская 1996).

Благодаря работам Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной было получено развернутое представление о валдайской АК (Гурина 1958). Периодизация неолита Волговерховья представлялась Н. Н. Гуриной как поступательное развитие традиций валдайской АК на протяжении позднего мезолита, раннего и развитого этапов неолита.

К раннему неолиту региона Н. Н. Гурина относил памятники с находками керамики «котчищенского типа» в сопровождении изделий мезолитического облика (Гурина 1975: 93; Гаврилова 1962: 88–89), а к развитому — стоянки с находками «ямочно-гребенчатой» посуды. Предполагая более древний возраст памятников с неорнаментированной и накольчатой керамикой, Н. Н. Гурина апеллировала к следующим их особенностям: «...оригинальные черты инвентаря группы памятников типа Котчище II — постсвидерские наконечники, сечения их... характерны для мезолитических памятников Верхнего, Костромского и Среднего Поволжья. Известны они в мезолитических и раннеолитических памятниках Ижмы, Вычегды и Северной Двины. Подобные наконечники... обнаружены на раннеолитической стоянке Сущево. В пользу древнего возраста памятников котчищенского типа свидетельствуют и их высотные отметки» (Гурина 1975: 93). Впоследствии радиоуглеродное датирование подтвердило данное предположение. Сегодня нижняя граница раннего неолита Валдайского поозерья определяется ^{14}C датой из поселения Нижние Котицы 6860 ± 100 (ГИН-1333), а верхняя — датой $5910 \pm 117 (\pm 680)$ (ЛЕ-3299) (Цветкова 2011а: 153).

Для развитого неолита Н. Н. Гурина считала характерным появление в материальной культуре изделий с двухсторонней обработкой, значительная часть которых изготавливалась из массивных отщепов (наконечники стрел, дротиков, копий листовидной и ромбической формы, пластины-ножи со вторичной обработкой) (Гурина, Крайнов 1996: 192).

Концепция исследовательницы предполагала параллельное развитие в неолите валдайской и льяловской АК на территории Валдайского поозерья и в Волго-Окском междуречье. Открытие Д. А. Крайновым верхневолжской

АК заставило ее скорректировать свои взгляды на культурную историю Верхневолжского региона в неолите. Новая версия сводилась к тому, что в раннем неолите носители традиций валдайской АК сосуществовали на соседних территориях и, возможно, контактировали с племенами верхневолжской АК, а в развитом неолите — с племенами льяловской АК.

Таким образом, к концу 1960-х — 1-й половине 1970-х гг. завершилось формирование базовых представлений о валдайской, льяловской, волосовской, белевской, рязанской, балахнинской культурах. По общему мнению исследователей, все они принадлежали к кругу культур ямочно-ребенчатой керамики.

В это же время возникла тенденция датировать сложение неолитических культур лесной полосы Восточной Европы концом IV и началом III тыс. до н. э. (например, Третьяков 1966: 28; Гурина 1973: 12, 16–17). Хронологические рамки развитого неолита определялись периодом с начала III до середины II тыс. до н. э. (например, Раушенбах 1970; Цветкова 1970: 152; Гурина 1973: 12, 16, 17). В начале 1970-х гг. благодаря достижениям естественнонаучных дисциплин и, в первую очередь, развитию метода радиоуглеродного датирования возникла тенденция к удревнению нижних границ неолита (Крижевская 1973: 23).

Поворотным моментом в изучении неолита Центральной России стал 1973 г., когда Д. А. Крайнов с группой авторов опубликовал заметку об открытии в Волго-Окском междуречье новой древнейшей в регионе археологической культуры неолита, названной им верхневолжской (далее ВВК) (Крайнов, Хотинский, Урбан, Молодцова 1973). Ее принципиальными отличиями от уже известных АК были элементы орнамента на керамике, отличные от ямочно-ребенчатых, и пластинчатая каменная индустрия с мезолитическими формами орудий.

Таким образом, сформировался новый подход к пониманию периодизации неолита. До 1973 г. неолит воспринимался как археологическая эпоха, подразделяющаяся на ранний и развитый периоды и ассоциирующаяся с культурами ямочно-ребенчатой керамики. Некоторые из них, например валдайская АК, просуществовали, в представлениях археологов, на протяжении всего неолита. С открытием верхневолжской АК впервые была сформулирована точка зрения о том, что раннему неолиту Волго-Окского бассейна свойственна археологическая культура с тычково-накольчатой керамикой, а не ямочно-ребенчатой. К тому же в начале 1970-х гг. на сопредельных Волго-Окскому региону территориях уже были известны культуры раннего неолита с накольчатой керамикой. Волго-Окское междуречье составляло исключение. Открытие ВВК разрешило это противоречие. В дальнейшем, представление о ранне-неолитическом возрасте памятников с неорнаментированной, накольчатой и накольчато-ребенчатой посудой и ассоциация стоянок с находками ямочно-ребенчатой керамики — с развитым/средним-поздним неолитом прочно укоренилось в литературе (Крижевская 1973: 23). Исключение составила валдайская АК. Открытие ВВК породило дискуссию о культурном статусе стоянок Валдайского поозерья с находками керамики «котчищенского типа». Д. А. Крайнов относил их к западному локальному варианту ВВК (Крайнов 1972; 1996). Н. Н. Гурина отстаивала позицию их особого культурного статуса как этапа в развитии валдайской культуры (Гурина 1975). Детальный анализ керамики и каменного инвентаря со стоянок Валдайского поозерья с находками посуды «котчищенского типа» показал их идентичность древностям первого этапа ВВК (Цветкова 2012а).

С момента открытия верхневолжской АК археология неолита негласно разделилась на два обособленных направления, сосредоточенных на изучении раннего и развитого его периодов. Первое направление активно развивалось с 1970-х гг. и было сконцентрировано на решении дискуссий о механизмах неолитизации, проблемах генезиса и исчезновения ВВК как единственной культуры раннего неолита в ее соотношении с мезолитическими и неолитическими культурами. Исследования области развитого неолита Волго-Окского междуречья к концу XX в., особенно в отношении древностей неолита окского бассейна, значительно снизили свою интенсивность.

Открытие верхневолжской АК также подтолкнуло исследователей к коренной перестройке системы представлений об этнокультурной истории региона: «...это открытие заставляет... пересмотреть последовательность в развитии неолитических культур Верхнего Поволжья, позволяет по-новому решать проблему их синхронизации взаимосвязей и взаимоотношений с другими культурами... а также по-иному решать проблему этнических образований, историко-культурных общностей и пр.» (Крайнов, Хотинский 1977: 67). Окончательно она завершилась к концу 1990-х г.

Согласно идее Д. А. Крайнова, поддержанной большинством исследователей, ранний неолит Волго-Окского междуречья ассоциировался с верхневолжской АК. Последняя сформировалась на основе бутовской АК и прошла в своем непрерывном развитии три этапа. В своем финале ВВК, сосуществуя какое-то время с льяловской АК, была ею ассимилирована (Крайнов 1996). Е. Л. Костылевой по керамике была разработана трехчленная периодизация ВВК (Костылева 1987; 1994). А. В. Энговатова и М. Г. Жилин подкрепили периодизацию Е. Л. Костылевой данными о каменном и костяном инвентаре (Энговатова, Жилин, Спиридонова 1998). Кроме того, М. Г. Жилин доказал генетическую преемственность верхневолжской АК от бутовской: «...можно уверенно говорить о сложении верхневолжской культуры на основе финальной бутовской. Это подтверждается стратиграфией многослойных торфяниковых поселений, хронологией памятников указанных культур, преемственностью каменного и костяного инвентаря, наличием ряда специфических черт в искусстве и духовной культуре, присущих той и другой. С появлением керамики завершается процесс неолитизации бутовской культуры, признаки которого четко прослеживаются в инвентаре памятников ее финального этапа» (Жилин 1994: 6; Кольцов, Жилин 1999).

Финал верхневолжской АК Д. А. Крайнов первоначально связывал с процессами формирования льяловской АК. Затем он пересмотрел эту точку зрения. Новые данные «позволили высказать гипотезу о происхождении (ямочно-гребенчатой керамики. — *Н. Ц.*) в северной половине лесной полосы Европейской части» России (Крайнов 1991: 68).

Точку зрения происхождения льяловской АК от верхневолжской в настоящее время отстаивают В. В. Сидоров и А. В. Энговатова (Сидоров 1992; Энговатова 1998). В. В. Сидоров связывает все события и явления в неолите с существованием единого этноса. Он представлен двумя хронологическими вариантами — верхневолжской АК в раннем неолите и льяловской АК — в развитом неолите. Предполагается, что это был самодостаточный «организм», развивавшийся без участия внешних факторов: «Никаких внешних влияний

и миграций для их преобразования не потребовалось» (Сидоров 2009: 160). Формирование такого этноса произошло на местной мезолитической основе при участии населения бутовской АК. Археологические культуры, выделяемые другими исследователями в позднем мезолите региона, В. В. Сидоров рассматривает как незначительные культурные эпизоды, не игравшие особой роли. Детали и механизмы образования ВВК, по мнению исследователя, изучены пока недостаточно (Сидоров 2009: 159).

А. А. Формозов, в свою очередь, рассматривал верхневолжскую АК как синхронную льяловской, предполагая, что «накольчатая» стилистика орнаментации сосудов характерна для западной части ареала неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Основными и наиболее характерными для неолита бассейна Верхней Волги, по его мнению, являлись льяловские традиции в керамике (Формозов 1977: 91–92).

Переход от мезолита к неолиту Верхневолжского региона остается наиболее проблемным вопросом вплоть до настоящего времени. Выше уже отмечалось, что наибольшее признание получила точка зрения о генетической преемственности верхневолжской АК от бутовской при участии населения с южных территорий (Крайнов 1996; Жилин 1994; Кольцов, Жилин 1999; Костылева 2003: 214).

Непрерывный рост источниковедческой базы подтолкнул исследователей к критике концепции Д. А. Крайнова и разработке альтернативных гипотез.

А. Н. Сорокин свои культурно-хронологические построения основывает на результатах источниковедческого анализа памятников позднего мезолита и историографического анализа публикаций о ВВК. Исследователь довольно жестко критикует сложившиеся представления о бутовской и верхневолжской культурах. По его мнению, они несостоятельны, так как основаны на изучении сортированных коллекций: «...к бутовской культуре были отнесены материалы... по степени их пластинчатости, а не по типологической близости» (Сорокин 1990: 29). То же касается и верхневолжской АК. А. Н. Сорокин говорит о сложившемся стереотипе соотношения с «чистыми» раннеолитическими комплексами пластин и орудий из них. Орудия на отщепках, как наиболее сложные для типологического анализа, к таковому, как правило, не привлекались (Сорокин 1991: 34). Исследователь предполагает наличие значительного хронологического разрыва между бутовской АК и верхневолжской АК, а следовательно, их генетическая преемственность остается недоказанной. Проблема неолитизации региона, в его понимании, получила статус нерешаемой из-за неудовлетворительного состояния источниковедческой базы, и, как следствие этого, отсутствия исследований о типах каменных изделий позднего мезолита и раннего неолита, основанных на анализе «чистых» коллекций (Сорокин 1991: 36).

В. М. Лозовский считает, что формирование ВВК происходило на поликультурной мезолитической основе при участии населения с юга, владевшего навыками изготовления керамики: «Процесс появления и распространения керамики происходил по-разному, и нововведения в материальной культуре накладывались на разную мезолитическую основу» (Лозовский 2003: 239). В качестве таковой он рассматривает бутовскую АК и выделяемую на материалах поселения Замостье 2 замостьинскую культурную традицию (Лозовский 2012: 84–85).

Ю. Б. Цетлин является автором наиболее критикуемой, но, на мой взгляд, наиболее правдоподобной концепции культурной истории раннего неолита Верхней

Волги. Согласно его гипотезе период с 7000 по 6000 л. н. характеризуется двумя культурами — волго-окской и верхневолжской. Наиболее ранняя и автохтонная — волго-окская. Она ассоциируется с неорнаментированной/тычково-накольчатой керамикой (I ВВК по Е. Л. Костылевой). Верхневолжская АК связывается с «гребенчатой» посудой раннего неолита (II, III этапы ВВК по Е. Л. Костылевой) и считается пришлой в регионе, ассимилировавшей автохтонную волго-окскую АК. Первые свидетельства появления на Верхней Волге населения ВВК относятся к 6600 *uncal BP*, когда появляется посуда с короткозубчатым орнаментом. Свидетельства контактов «верхневолжцев» с местным населением проявились в керамике с накольчато-гребенчатой орнаментацией (Цетлин 2008: 48; 1996: 155–163).

Итоги изучения раннего неолита с момента открытия ВВК были подведены Е. Л. Костылевой (Костылева 2003). Помимо обобщения накопленных данных она назвала первоочередные проблемы, с которыми пришлось столкнуться исследователям. Возникшие противоречия относительно деталей этнокультурных процессов в раннем неолите региона Е. Л. Костылева, в первую очередь, связывает с источниковой базой. Исследовательница отмечает, что достаточно затруднительно проводить сравнение между стоянками финального мезолита и раннего неолита. На большинстве памятников региона слои раннего неолита подстилаются финально-мезолитическими. Особенно четко это прослеживается на торфяниковых поселениях. Исходя из этого сделан вывод о том, что «...публикованный ранее инвентарь верхневолжской культуры, отмеченный большим количеством пластин в качестве заготовок и орудий, происходит из смешанных комплексов и, вероятно, связан с подстилающими мезолитическими слоями» (Костылева 2003: 213). Сама исследовательница настаивает на отщеповом характере каменной индустрии ВВК: «Анализ материалов из “чистых” ранне-неолитических слоев показывает, что основным типом заготовки в это время становится отщеп» (Костылева 2003: 214).

Таким образом, в настоящее время первоочередными для решения стали вопросы, связанные с выявлением основных типов каменных изделий в финальном мезолите и раннем неолите и специфических типов раннего неолита, а также проблема появления в регионе керамики/возникновения керамического производства (Костылева 2003: 214). Им и уделяется особое внимание на современном этапе исследований (например, Мазуркевич, Долбунова 2009; 2012; Мазуркевич 2011; Цветкова 2009; 2012а; 2012б).

Значительным событием в археологии волго-окского неолита стала разработка Ю. Б. Цетлиным общей периодизации неолита по итогам изучения керамических комплексов из многослойных поселений (рис. 1). Исследователем выделены 11 хронологических этапов, маркирующие эпизоды в культурной истории. В его представлении она характеризуется последовательным существованием носителей традиций волго-окской АК и верхневолжской АК в раннем неолите; носителей традиций ямочно-гребенчатой АК, населения с редкоямочной (тонкостенной) керамикой, групп населения с редкоямочной и редкоямочной (тонкостенной) керамикой, носителей традиций волосовской АК. И если одни периоды характеризуются обособленным существованием каждой из этих культур, то другие периоды — это этапы совместного существования волго-окской и верхневолжской культур, верхневолжской и ямочно-гребенчатой, ямочно-гребенчатой и редкоямочной (тонкостенной) и т. д. (Цетлин 2008: 224).

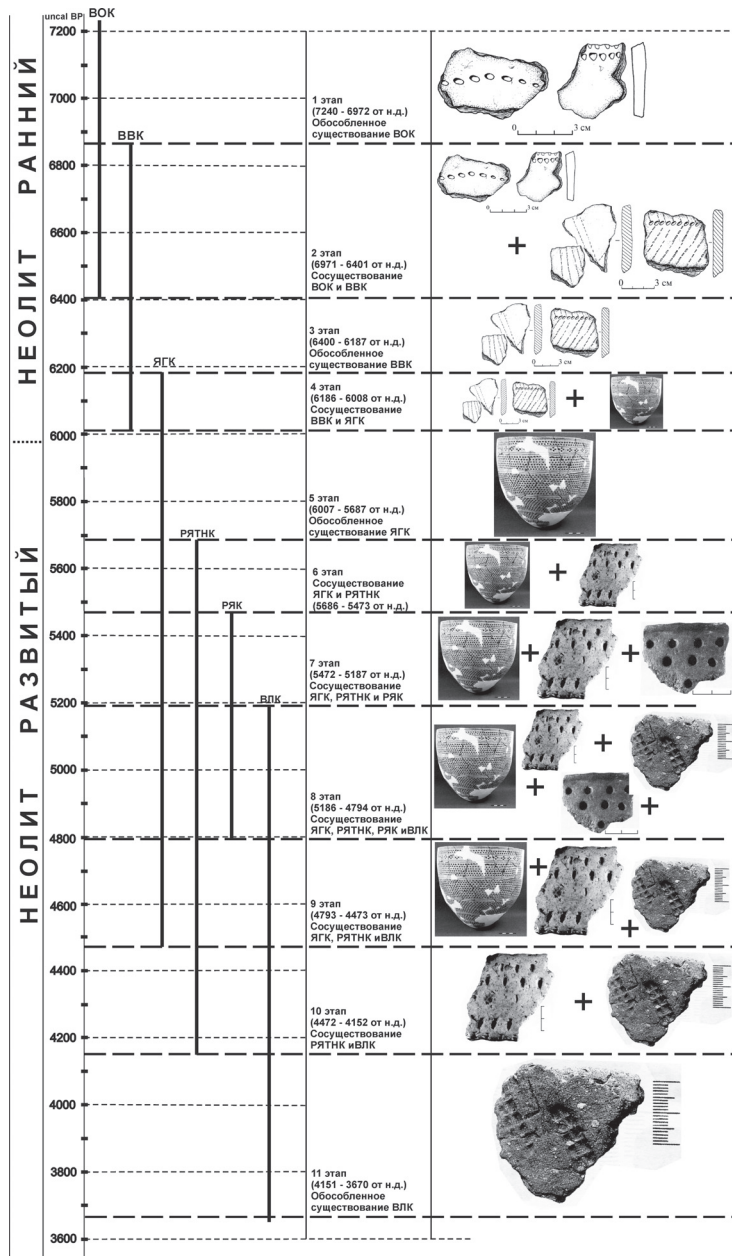

Рис. 1. Периодизация неолита Центра Русской равнины (по Цетлин 2008):

ВОК — волго-окская культура; ВВК — верхневолжская культура; ЯГК — культура ямочно-ребенчатой керамики; РЯТНК — культура редкоямочной тонкостенной керамики; РЯК — культура редкоямочной керамики; ВЛК — волосовская культура.

Fig. 1. Periodization of the Neolithic in the Central Russian Plain (after Цетлин 2008):

ВОК — Volga-Oka culture; ВВК — Upper Volga culture; ЯГК — Pit-Comb Ware culture; РЯТНК — Thin-Walled Pitted Ware culture; РЯК — Pitted Ware culture; ВЛК — Volosovo culture.

В свою очередь автор статьи придерживается концепции поликультурности раннего неолита Верхневолжского региона. О его культурной неоднородности свидетельствуют данные типологического анализа каменного инвентаря, происходящего с 19 опорных памятников (Цветкова 2013). Согласно результатам этого анализа, непрерывная культурно-генетическая преемственность древностей, объединяемых в верхневолжскую АК, не подтверждается, как не подтверждается она и по результатам изучения керамики (Цветкова 2012б).

Каменный инвентарь отчетливо разделяется на два последовательно существовавших культурно-хронологических комплекса, представляющих разные технологические традиции и сопровождаемых разнородной керамикой. Первый комплекс соотносится с пластинчатой индустрией и финальномезолитическими приемами вторичной обработки камня в сопровождении неорнаментированной/накольчатой керамики. Хронологический интервал его существования — от 7100/7000 до 6500 uncal BP, что соответствует I этапу ВВК (по Е. Л. Костылевой) или волго-окской АК (по Ю. Б. Цетлину). Для второго комплекса характерно использование отщепы в качестве основной заготовки и приема сплошного ретуширования наконечников стрел/копий/дротиков и ножей. Изделия с этими чертами встречены только на тех стоянках, где есть находки керамики с «пунктирным», «гребенчатым», «ямочным» и другими элементами орнамента, отличными от «тычково-накольчатого». Подобная посуда распространяется в регионе не ранее 6500 uncal BP и соответствует II и III этапам ВВК (по Е. Л. Костылевой) или верхневолжской АК (по Ю. Б. Цетлину).

Древности первой группы связываются с автохтонным мезолитическим населением при участии пришельцев с юго-восточных территорий, принесших идею/технологии (?) изготовления керамики. Вторая группа древностей сформировалась, вероятно, из новой волны переселенцев восточных территорий, которые в конечном итоге ассимилировали автохтонное население (Цветкова 2012б).

Выводы

В истории формирования представлений о периодизации и культурной истории неолита Верхневолжского региона может быть выделено три основных этапа.

Первый этап охватывает временной промежуток с 1920-х гг. до 1973 г. В это время непрерывный рост источниковедческой базы наряду с критической оценкой уже известных данных привели к выделению в рамках неолитической эпохи нескольких этапов, получивших наименования «ранний неолит», «средний неолит», «поздний неолит», «развитый неолит», «докерамический неолит», «бескерамический неолит», «протонеолит». Каждый из них характеризовался вещевыми комплексами, выражающими качественную разницу в развитии материальной культуры древних коллективов. Со временем вопрос о периодизации неолита центра Русской равнины приобрел дискуссионный характер.

Довольно долго продержалась точка зрения о правомерности выделения докерамической стадии для лесного неолита. Однако к середине XX в. в отечественной литературе утвердился термин «мезолит», и абсурдность выделения бескерамической стадии неолита стала очевидна. Именно с этого времени

начала формироваться точка зрения об ассоциации начала неолита с появлением керамики в вещевых комплексах. Именно керамика, несмотря на другие множественные признаки неолитического времени, является наиболее ярким маркером материальной культуры неолита.

К началу 1970-х г. вопрос о докерамическом неолите на Верхней Волге был окончательно закрыт, утвердилась двухчленная модель периодизации Волго-Окского неолита. Однако и ранний и развитый этапы ассоциировались с культурами «ямочно-гребенчатой» керамики, выделенными в 1930–1950-е гг. по территориальному признаку.

Хронологические рамки второго этапа — с 1972 до середины 1990-х гг. В это время сформировалась принципиально новая концепция. Ранний неолит региона с открытием верхневолжской АК стал ассоциироваться с неорнаментированной/тычково-накольчатой, короткозубчатой, длиннозубчатой (пунктирный штамп) керамикой и пластинчатыми индустриями с падающей постепенно ролью пластины и с орудиями мезолитических форм. К развитому неолиту были отнесены все известные культуры с традициями изготовления ямочно-гребенчатой керамики.

В это же время были детализированы представления об археологических культурах региона, в частности, разработаны периодизации культур по данным изучения керамики, каменного и костяного инвентаря. В некоторых случаях они подкреплялись ^{14}C датами.

Третий этап начинается с середины 1990-х гг., когда был поставлен вопрос о неоднородности раннего неолита Верхней Волги в связи с выделением древностей I этапа ВВК в самостоятельную историко-культурную единицу, и длится по сей день. Основной его отличительной чертой является возникновение множества сценариев культурной истории и развернутой критикой источниковедческой базы.

Одной из последних тенденций на современном этапе изучения раннего неолита является осознание исследователями весьма ограниченных возможностей источниковедческой базы, которая позволяет только охарактеризовать материальную культуру и проследить динамику ее изменений. Выявить специфические черты, присущие конкретной группе древностей (объединяемых в АК) и не встречающиеся в ей противопоставляемых, на имеющихся источниках невозможно. Именно поэтому и не утихают споры относительно ареалов АК и их локальных вариантов. На имеющихся источниках детально можно говорить пока только о двух культурно-хронологических пластах, характеризующих ранний неолит центральной части Европейской России. Для каменного инвентаря в этой ситуации корректнее было бы рассуждать о «технокомплексах» — совокупностях археологических памятников/групп памятников, выделяемых на одной ступени археологической периодизации в определенных пространственно-временных и природных границах. Каждая такая совокупность по технико-типологическим особенностям массового инвентаря противопоставляется соседним совокупностям памятников (Цветкова 2011б: 133).

В этой ситуации термин «археологическая культура» в археологии раннего неолита приобретает узкое (служебное) значение. Затруднения, которые испытывают археологи при выделении индивидуальных черт для родственных культур неолита, и проблемы четкого разграничения их ареалов заставляют

употреблять его только для обозначения территории, на которой бытовала та или группа древностей. Например, верхневолжская АК по Д. А. Крайнову и ранненеолитическая валдайская АК по Н. Н. Гуриной, с точки зрения географии, представляют собой древности соседних территорий. Однако на деле их инвентарь и керамика идентичны друг другу, что доказывает их культурное единство. Было бы целесообразно отказаться от употребления термина «археологическая культура» применительно к ранненеолитическим древностям. Однако отказ от него внесет только большую путаницу и приведет к бесконечным спорам. Дело в том, что корреляция материалов по регионам до сих пор основывалась и продолжает основываться на понятии археологической культуры. Поэтому за этим термином пока стоит оставить сугубо служебное значение, отражающее не реальное сообщество населения, а выделяемую археологами локальную группу древностей, как часть более крупного целого.

Сегодня внимание археологов сконцентрировано исключительно на этнокультурных процессах волго-окского неолита. Его периодизация признана единогласно. Наибольшие разногласия вызывает культурная история раннего неолита. Однако, как уже говорилось, камнем преткновения для разрешения всех спорных вопросов выступает источниковедческая база. Одним из выходов из сложившейся ситуации представляется создание единого банка данных по мезолиту, раннему и развитому неолиту, содержащего равнозначную информацию в отношении всех трех периодов. Тогда возможно было бы сравнивать вещевые комплексы на единых основаниях. Это позволило бы, во-первых, решить вопросы о правомерности выделения групп древностей в археологические культуры, во-вторых, прекратить дискуссию о мезолитической подоснове раннего неолита, и, в-третьих, исследовать со статистическим обоснованием наличие/отсутствие культурно-генетических связей между культурами позднего мезолита, раннего и развитого неолита.

Литература

- Бадер О. Н., Воеводский М. В. 1935. Стоянки Балахнинской низины // ИГАИМК 106, 298–346.
- Брюсов А. Я. 1947. Белевская неолитическая культура // КСИИМК XVI, 15–21.
- Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука.
- Брюсов А. Я. 1968. Проблема происхождения культур каменного века в северной части Европейской территории СССР // СА 4, 3–15.
- Гаврилова И. В. 1962. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер // КСИА 92, 87–90.
- Городцов В. А. 1923. Археология. Каменный период. Т. 1. М.–Л.: Государственное издательство.
- Гурина Н. Н. 1958. Валдайская неолитическая культура // СА 3, 31–45.
- Гурина Н. Н. 1975. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Кожин М. П., Кольцов Л. В., Зимина М. П. (ред.). Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 84–94.
- Гурина Н. Н. 1996. Валдайская культура // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 184–192.
- Гурина Н. Н. 1973. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА 172, 7–21.

- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А. 1996. Льяловская культура // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 173–182.
- Долуханов П. М. 1966. Палеогеография мезолита Северной Европы // МИА 126, 64–74.
- Жилин М. Г. 1994. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Уткин А. В. (ред.). Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны восточной Европы 1. Иваново: ГУ КПК Минтопэнерго, 19–31.
- Жуков Б. С. 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография 1, 54–77.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука.
- Костылева Е. Л. 2003. Основные вопросы неолитизации Центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // Тимофеев В. И. (ред.). Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: Академпринт, 213–218.
- Костылева Е. Л. 1987. Хронология, периодизация и локальные варианты верхне-волжской ранне-неолитической культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Костылева Е. Л. 1994. Ранне-неолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС 1, 53–57.
- Крайнов Д. А. 1975. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Кожин М. П., Кольцов Л. В., Зимина М. П. (ред.). Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 5–13.
- Крайнов Д. А. 1986. Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. Тезисы докл. предст. обл. конф. 18–21 февраля 1986 г. Оренбург, 6–9.
- Крайнов Д. А. 1987. Волосовская культура // Рыбаков Б. А. (ред.). Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 10–28.
- Крайнов Д. А. 1991. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Васильев Ф. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья. Мат-лы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Ниж. Новгород: Ротапринт ВЗАТТ, 66–72.
- Крайнов Д. А., 1996. Верхне-волжская культура // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 166–172.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1977. Верхне-волжская ранне-неолитическая культура // РА 3, 42–68.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. 1973. Древнейшая ранне-неолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР 5, 80–84.
- Крижевская Л. Я. 1949. Неолитические памятники Валдайского приозерья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Крижевская Л. Я. 1973. Хронология неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР (по данным новых исследований) // МИА 172, 22–31.
- Крижевская Л. Я. 1996. Балахинская культура // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 184–188.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Тимофеев В. И. (ред.). Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб.: Академпринт, 219–240.

- Лозовский В. М. 2012. Культурные традиции в мезолите Волго-Окского междуречья // Васильев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: ЭлекСис, 76–85.
- Мазуркевич А. Н. 2011. О моделях неолитизации Восточной Европы // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; Великий Новгород; Ст. Русса: Новгородский технопарк, 172–173.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В. 2009. Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы // Васильев С. А. (ред.). Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Тезисы междунар. науч. конф., посв. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: Лемма, 80–82.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В. 2012. Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы // Васильев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: ЭлекСис, 139–152.
- Ошибкина С. В. 1996. Понятие о неолите // Ошибкина С. В. (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 6–9.
- Платонова Н. И. 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-история.
- Полякова Г. Ф. 1970. Племена белевской культуры // ТГИМ 44, 79–96.
- Раушенбах В. М. 1953. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // ТГИМ XXII, 7–18.
- Раушенбах В. М. 1970. Племена льяловской культуры // ТГИМ 44, 35–78.
- Раушенбах В. М. 1973. Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // МИА 172, 152–158.
- Сидоров В. В. 1986. Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сидоров В. В. 1992. Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН.
- Сидоров В. В. 1995. Неолит Десны и Волго-Окского междуречья // РА 3, 71–80.
- Сидоров В. В. 2009. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус.
- Сидоров В. В., Ставицкий В. В. 2003. Локальные варианты льяловской культуры в бассейне реки Оки // Белорыбкин Г. Н., Ставицкий В. В. (ред.). Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза: Изд-во Пензенского пед. ун-та, 108–130.
- Сорокин А. Н. 1990. Бутовская мезолитическая культура. М.: Черметинформация.
- Сорокин А. Н. 1991. Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Ошибкина С. В. (ред.). Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 28–37.
- Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука.
- Формозов А. А. 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука.
- Формозов А. А. 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука.
- Фосс М. Е. 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Фосс М. Е. 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК XXIX, 33–47.
- Цветкова И. К. 1953. Волосовские неолитические племена // ТГИМ XXII, 19–52.
- Цветкова И. К. 1963. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // МИА 110, 54–84.

- Цветкова И. К.* 1970. Племена рязанской культуры // ТГИМ 44, 97–153.
- Цветкова Н. А.* 2011а. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // РАЕ 1, 148–182.
- Цветкова Н. А.* 2011б. К проблеме определения археологических культур раннего неолита Русской равнины // Беляева В. И., Мурашкин А. И. (ред.). Археологические источники и культуuroгенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 131–134.
- Цветкова Н. А.* 2012а. Памятники раннего неолита Верхневолжской системы озер: к вопросу о культурной атрибуции // Васильев С. А., Шумкин В. Я. (ред.). Мезолит и неолит восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. Мат-лы. междунар. науч. конф., посв. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: ЭлекСис, 220–231.
- Цветкова Н. А.* 2012б. Ранний неолит бассейна Верхней Волги (по результатам изучения каменной индустрии) // КСИА 227, 271–280.
- Цветкова Н. А.* 2013. Ранний неолит Верхней Волги и источники его изучения // Родинкова В. Е., Федорина А. Н. (ред.). Новые материалы и методы археологического исследования. Мат-лы II Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 42–43.
- Цетлин Ю. Б.* 1996. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС 2, 155–163.
- Цетлин Ю. Б.* 2008. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К.
- Энговатова А. В., Жилин М. Г., Спиридонова Е. А.* 1998. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА 2, 11–21.
- Энговатова А. В.* 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС 3, 238–246.